

Наталья Рапопорт

Мария Васильевна Розанова-Синявская, короткие встречи

Первое знакомство. Париж, 1988 год

Фантазмагория событий моей первой встречи с Марией Васильевной была, от начала до конца, в полной гармонии с законами жанра и характером основного персонажа.

Начать придётся издалека.

За несколько месяцев до описываемых событий журнал «Дружба народов» опубликовал журнальный вариант книги моего отца о «Деле врачей», а «Юность» опубликовала мою повесть о тех же событиях, увиденных глазами новоиспечённой четырнадцатилетней комсомолки. Обе публикации сразу же перевели и издали под одной обложкой во Франции, Италии и Голландии. Французские издатели и голландская переводчица прислали мне приглашения на презентацию книги. Это было как сон. Я решила взять с собой дочь Викторию. Мы сравнительно легко получили необходимые визы, но оказалось, что нечего даже и мечтать об авиабилетах в Париж в обозримом будущем.

— Попробуй достать билеты через Дом дружбы, — посоветовала мне Татьяна Никитина. Как раз в это время в Париже был организован концерт замечательных советских бардов, и Татьяна с Сергеем приобрели билеты в Париж через эту контору.

Я пришла в Дом дружбы, представилась секретарше, назвала свою фамилию и объяснила, что мне нужно два билета в Париж, для себя и дочери, и вылететь желательно через неделю.

— Будут, — пообещала сладкая, как патока, секретарша. — Зайдите послезавтра.

Я поразились вежливости секретарши и простоте решения проблемы. Но когда я, как было назначено, явилась послезавтра, от приветливости и вежливости секретарши не осталось и следа. Она метала громы и молнии:

— Как вы посмели сюда прийти?! Вы самозванка! Вы никто! Вы меня страшно подвели!

Я опешила:

— Чем подвела? Почему самозванка?

— Вы не родственница Виталия Рапопорта!

— Какого Виталия Рапопорта?

— Как какого?! Члена бюро Дома дружбы!

— Да разве я вам сказала, что я родственница Виталия Рапопорта?! Я о нём слыхом не слыхивала!

— Но если ко мне приходит человек и говорит, что ему нужно два билета в Париж — для себя и для дочки, — может мне прийти в голову, что она не родственница члена бюро?! Я позвонила ему сказать, что не смогла достать билеты в Париж, и взяла в Брюссель, так он на меня таких собак спустил!

От этой информации я насторожилась:

— Вы всё-таки достали нам билеты?

— Да, но я не могу отдать их вам — они куплены по безналичному расчёту. Я же думала, что вы — родственница члена бюро. К тому же, в Париж билетов не

было, и я взяла в Брюссель, чтобы вы оттуда ехали поездом. Теперь переводить билеты на наличный расчёт — целая огромная проблема. Для этого нужно специальное разрешение директора Дома дружбы! Вы меня страшно, страшно подвели!

— Я получу разрешение от директора! — всколыхнулась я. — Клянусь, получу! Я не самозванка! Я лечу на презентацию своей книги! Я сожалею о ваших неприятностях! Я буду вам очень, очень благодарна!

Я пришла на приём к директору Дома дружбы с официальными приглашениями от моего французского издательства и от Сорбонского университета. В результате мы с Викой полетели-таки в Брюссель, чтобы оттуда ехать поездом в Париж.

Тут начинается история моей первой встречи с Марией Васильевной.

Я тесно дружила с Даниэлями — художницей и искусствоведом Ириной Уваровой и её мужем, прозаиком и поэтом Юлием Даниэлем. Юлий Даниэль и его друг Андрей Синявский публиковали на Западе под псевдонимами Николай Аржак и Абрам Терц сатирические произведения, высмеивавшие советскую власть. За скрывавшимися под псевдонимами авторами охотилась Лубянка, и в конце концов их арестовали и судили. Впервые в СССР под судом была литература: писателей судили за их произведения. Это подняло волну протеста во всём мире. Сегодняшняя молодёжь, возможно, не в курсе, что с протестов против суда над Даниэлем и Синявским началось в Советском Союзе диссидентское движение.

Даниэль был осуждён к пяти годам лагерей, Синявский — к семи. Спустя два года после освобождения Синявский уехал в Париж, стал профессором Сорбонны и продолжал писать романы, а его жена Мария Васильевна Розанова издавала в Париже журнал «Синтаксис». Синявский — человек громкой, часто скандальной славы, хорошо знакомый интеллектуалам всего мира по книгам, статьям, лекциям, выступлениям и интервью. Юлий Даниэль остался в Москве. Мы дружили. С Ириной они составляли неповторимый дуэт, и, купаясь в волнах юмора, насмешки, шутки, иронии, гротеска самой высокой пробы, я ликовала, принимая этот посланный судьбой драгоценный подарок.

Узнав, что мы с Викторией, похоже, едем в Париж, Ирина позвонила Марье Васильевне, рассказала о нас и попросила нас всячески обласкать. В ответ Мария Васильевна попросила, чтобы мы купили на рынке и привезли ей маринованный чеснок, без которого она живёт уже более пятнадцати лет, хотя думала, что не сможет прожить и дня. Ничего в жизни она не вожделеет так, как маринованный чеснок, превратившийся в источник жестокой ностальгии.

Мы с Ириной сбегали на Ленинградский рынок и купили увесистую связку маринованного чеснока. Вонял он так, что, когда мы возвращались домой, от нас шарахались встречные. Ирина взялась чеснок упаковать. В дело пошли старые простыни и штук двадцать дефицитных полиэтиленовых пакетов, подаренных друзьями-диссидентами. Ничего не помогло. Чеснок нещадно вонял из любой оболочки. В чемодан его класть было бы смертельным номером, и мы отвели ему небольшую отдельную сумку ручной клади.

Как я уже объяснила, летели мы не в Париж, а в Брюссель, где нам предстояло провести ночь перед парижским поездом.

Теперь мне придётся сказать пару слов о своих научных заслугах. С 1970 по 1990 год я работала в Институте химической физики, одном из лучших, если не лучшим в мире институтом этого профиля, созданным и много лет руководимым академиком Семёновым, нобелевским лауреатом. В 1985 году я защитила там

докторскую диссертацию и опубликовала в соавторстве монографию, которую вскоре перевело на английский язык и издало в Америке уважаемое научное издательство. Так что имя моё было известно западным коллегам, работавшим в близкой области и довольно часто посещавшим наш институт. Один из них, доктор Гёскинс, бельгиец, работал в Брюсселе в институте Бельгийской Академии наук. У нас были общие научные интересы, мы переписывались. Я сообщила Гёскинсу, что мы с дочерью неожиданно летим в Париж (горбачёвская Перестройка!) и проведём полдня и ночь в Брюсселе. Он обрадовался произошедшим в нашей стране переменам: он многократно приглашал меня на организуемые им или его коллегами международные конференции, но меня никогда не пускали. Гёскинс сказал, что встретит нас с Викой в аэропорту, покатает по Брюсселю, а ночь мы проведём в Доме для приезжающих учёных Бельгийской Академии наук.

Мы летели самолётом «Аэрофлота». Сумку с чесноком забросили наверх, в отделение для ручной клади. Он нещадно вонял оттуда. Самолёт приняхивался, кто-то жаловался, стюардессы носились, пытаюсь, к счастью безрезультатно, определить источник вони. Мы с Викой делали недоумённые лица, приняхивались и пожимали плечами вместе со всеми, чтобы не дай бог не навлечь на себя подозрений. При этом всю дорогу я ждала, что самолёт рухнет — я не могла поверить, что не во сне, а наяву окажусь в Париже...

Профессор Гёскенс встречал нас в аэропорту на своей машине «Мерседес». Надо отдать ему должное: он проявил исключительную выдержку, но было видно, как он поражён зловонием, источаемым уважаемой сотрудницей советской Академии наук и (или) её дочерью-художницей. Не знаю, удалось ли его «Мерседесу» избавиться от этой вони, или профессору пришлось менять тачку. Я сослалась на усталость и попросила отвезти нас сразу в нашу гостиницу. На вокзал от неё ходили шаттлы, так что я решительно отказалась от любезного предложения Гёскенса отвезти нас утром на вокзал. Мы распрощались, и больше я профессора Гёскенса никогда не видела.

О том, чтобы провести ночь в одном номере с маринованным чесноком, не могло быть и речи. Оглядевшись по сторонам, мы вывесили сумку с чесноком за окно, привязав к наружной ручке форточка, и наконец вдохнули воздух полной грудью. Следующим утром мы ехали в Париж. Я всё время ждала, что поезд сойдёт с рельсов: я всё ещё не верила, что мы можем оказаться в Париже. Вдруг Вика схватила меня за руку и воскликнула, с ужасом глядя мне в глаза:

— Наталья! Почему в вагоне не воняет?

В вагоне действительно не воняло. Мы забыли сумку с маринованным чесноком на форточке Дома для приезжающих учёных Бельгийской Академии наук. Возможно, она всё ещё там.

На парижском вокзале нас встречали Ирэн Сокологорская и Клод Фриу, крупнейшие французские специалисты по русской литературе, наши с папой переводчики и друзья наших издателей; Клод много лет был президентом одного из парижских университетов. В тот вечер в маленьком кафе на Монмартре я попробовала первую в своей жизни устрицу и до сих пор храню её ракушку.

На следующий день мы отправились в гости к Ирэн и Клоду. Вошли и остолбенели на пороге: громадный зал, в который с высокого потолка сквозь стеклянную крышу льётся дневной свет, на диване в центре зала две большие рыжие собаки-колли, а на стенах нет живого места от ковров и художественных

плакатов с многочисленных выставок. Я не успеваю ахнуть, как довольная эффектом Ирэн произносит:

— Я совсем забыла вам сказать. Мы купили мастерскую Сальвадора Дали...

Так   начался   наш   первый   визит   в   Париж.

Нас поселили в гарсоньерке Клода, типичной маленькой парижской квартире. До Синявских мы добрались только через несколько дней. Во-первых, сразу по приезде тяжело, с высокой температурой заболела Вика. Она лежала в гарсоньерке Клода, а я бегала на презентации и круглые столы: оказалось, что, совсем тогда не по чину, меня включили в группу советских писателей, которую принимал Сорбонский университет. Нам устраивали многочисленные встречи и пресс-конференции. Из группы своих неожиданных коллег я запомнила только Зою Богуславскую, потому что она, в отличие от остальных писателей, очень хорошо говорила.

Наконец, освободившись вечером мы выбрались к Синявским. Шли от вокзала к знаменитому дому в Фонтенэ-о-Роз, и я формулировала в уме извинения, которые буду приносить Марье Васильевне за потерянный чеснок.

Мария Васильевна с порога поинтересовалась, где её чеснок. Я понимала, что она будет разочарована, но не представляла, до какой степени. Она кричала, всё более распаляясь, что мы всё выдумали, что мы лгуны и никакого чеснока у нас с собой никогда не было, что мы аферистки и нам не место в этом доме. Такая бурная реакция застала меня врасплох, и я не знала, как реагировать. Решила уйти в парижскую пригородную ночь и забыть этот визит как страшный сон, но тут на звуки знакомой ему мелодии спустился к нам Андрей Донатович и сказал тихим голосом несколько успокаивающих слов Марье Васильевне и добрых слов в наш с Викой адрес. Я видела, что мы ему понравились. По его просьбе рассказала всю историю маринованного чеснока в лицах, начиная с упаковки его в собранные со всего московского диссидентства полиэтиленовые пакеты, через поражённый чесночным смрадом салон самолёта, ищущих источник вони стюардесс и нас, принявших, закатывавших глаза и пожимавших плечами наряду с другими пассажирами — к «Мерседесу» профессора Гёскинса и форточке Дома для приезжающих учёных Бельгийской Академии наук, и наконец — к вагону поезда Брюссель — Париж, в котором по отсутствию зловония мы обнаружили, что чеснок необратимо и трагически забыт в Брюсселе. Синявский хохотал от души, и даже Мария Васильевна внезапно сменила гнев на милость. Нас усадили пить чай, расспросили про жизнь Даниэлей и уложили спать где-то между «Синтаксисами». На следующий день мы с Викторией даже чем-то помогли Марье Васильевне с журналами в роли подмастерьев. Болтали о том о сём, день прошёл без эксцессов и расстались мы друзьями.

Москва, январь 1989 года

Сначала пара слов об интервью с Синявскими моей ближайшей подруги Елены Платоновой.

Ленка работала выпускающей в редакции «Аргументов и фактов». Она была обворожительная, её очень любили все, кому выпадала радость с ней дружить.

Её очень любил мой папа. Когда в апреле 1988 года «Дружба народов» опубликовала журнальный вариант папиной книги, во всём мире поднялась такая журналистская волна, что грозила папу захлестнуть. Ленка тоже захотела сделать с папой интервью.

— Ленка, — сказала я, — сейчас с моим папой не рвётся делать интервью только очень ленивый. Зачем тебе быть одной из тысячи? Сделай лучше интервью с Юликом Даниэлем. Этому интервью цены не будет. Может, и не опубликуют сейчас — но когда-нибудь обязательно опубликуют.

— Разве можно? — удивилась Ленка.

Я спросила у Ирины и Юлика, — я приводила к ним Ленку, она им нравилась, — и они дали добро. Это было последнее интервью в жизни Юлия. На следующий день у него случился инсульт, от которого он не оправился...

Интервью Ленки с Юлием опубликовали «Московские новости» 11 сентября 1988 года, за несколько месяцев до его смерти. А вскоре «Новости» предложили Ленке сделать по телефону интервью с Синявскими.

Юлик умер вечером тридцатого декабря, накануне нового тысяча девятьсот восемьдесят девятого года. Незадолго до смерти Юлия Ирина обращалась в советское консульство в Париже с просьбой разрешить Синявскому приехать в Москву повидаться со смертельно больным другом. Синявским постоянно отказывали в советской визе, отказали и тогда. Теперь Ирина совершила новую попытку. Телеграммы с просьбой проявить милосердие и разрешить Синявскому попрощаться с Юлием были посланы в два адреса: советскому консулу в Париже и министру иностранных дел СССР Эдуарду Шеварднадзе. И впервые за пятнадцать с половиной лет Синявские получили въездную визу. Как будет видно из дальнейшего, консул, видимо, взял ответственность на себя. Но это были новогодние дни, оформление виз занимает время, и Синявские прилетели в Москву только третьего января, на следующий день после похорон Юлия.

А на следующий день после приезда Синявских Ирине позвонили из канцелярии Шеварднадзе. Я подошла к телефону. Мужской голос сообщил, что в ответ на нашу телеграмму Синявским выдано разрешение на приезд в Москву, и они вот-вот прилетят.

— Большое спасибо, — сказала я, — мы вам очень благодарны.

— Перед кем это вы так раскланивались? — спросила Марья Васильевна.

— У меня для вас хорошая новость. Министерство иностранных дел СССР разрешило вам приехать в Москву, и вы вот-вот прилетите!

— Ну ничего не изменилось! — восхитилась Марья Васильевна. — Правая рука по-прежнему не ведаёт, что делает левая!

Для Ирины в эти трагические дни приезд Синявских был спасением. Они прилетели в Москву после пятнадцатилетнего перерыва, и в московских литературных, журналистских и кагебешных кругах началось необычайное волнение. Вокруг Синявских всё кипело и бурлило, как в многобалльный шторм. Ирина попросила меня отвечать на телефонные звонки и по возможности их фильтровать. Телефон звонил, не умолкая, двадцать четыре часа в сутки. Журналисты ломались толпами, расталкивая друг друга локтями. Называлось всё это — *интервью с Синявским*, но на вопросы журналистов отвечала только Марья Васильевна — Андрей Донатович не имел шансов вставить слово.

— Марья Васильевна, мне бы хотелось узнать, что думает по этому поводу сам Андрей Донатович! — не выдержал один бестактный журналист.

— Откуда он может знать, что *он* думает, пока не услышит, что я скажу! — отрезала Марья Васильевна, и журналист сдался.

Я тогда обогатила литературоведение тезисом, что Синявский пишет, потому что не имеет возможности говорить...

В следующий приезд Марьи Васильевны в Москву мы встречали её в Шереметьево втроём с Натальей Борисовной Ивановой и Татьяной Никитичной Толстой. Мария Васильевна везла в Москву «Синтаксисы» и книги Синявского, и таможня её задержала. Если бы не Татьяна Никитична, мы бы с Натальей Борисовной, наверное, до сих пор Марью Васильевну там ждали. Татьяна Никитична, развернув знамёна и плечи, прошла к Марье Васильевне за все кордоны. Вдвоём они там чуть не разнесли Шереметьево.

— Почему вы везёте так много книг этого Синявского? Он что, хороший писатель? — согласно рассказу Марии Васильевны, спросил её таможенник.

— Был бы плохой, я бы не вышла за него замуж!

<https://etazhi-lit.ru/publishing/literary-kitchen/1373-marija-vasilevna-rozanova-sinjavskaja-korotkie-vstrechi.html>